
«ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО» И «СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ»: ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ПОНЯТИЙ И СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ю.Г. Карагод

Кафедра социальной философии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье исследуются особенности и перспективы формирования гражданского общества в современной России. Анализируются причины, мешающие гражданскому «реформированию» страны. Понятие гражданского общества рассматривается в единстве с понятием социальной справедливости.

Ключевые слова: гражданское общество, социальная справедливость, реформа, взаимоотношение власти и общества.

Последнее десятилетие прошлого века для России было периодом выбора, а точнее, «примеивания» на себя западной модели общественного устройства. Отказ от коммунистической идеологии и морали, исчезновение советских властных структур потребовали новых регуляторов, как внешних институциональных, так и внутренних, морально-этических. Провозглашение экономических ориентиров свободного рынка заставило субъектов следовать соответствующим капиталистическим поведенческим стандартам. Источником знаний и представлений об этих стандартах, как правило, была все та же ушедшая в прошлое советская система просвещения и пропаганды. Следует отметить, что в 1990-е гг. маркетингу и менеджменту в вузах страны учили никогда ничем не торговавшие и не управлявшие преподаватели «трех составных частей марксизма». Однако необходимость выживания, а также складывающиеся новые экономические интересы в недавнем прошлом советских граждан сравнительно быстро «отформатировали» общество. В сферу бизнеса в разном качестве (предпринимателей или наемных работников) ушли, зачастую вынуждено, представители всех слоев общества от партийно-комсомольской верхушки до пенсионеров. Возникли социальные группы, которые своим трудом существенно расширили негосударственный сектор экономики. Власть в силу своей тогдашней слабости не могла навязывать субъектам хозяйственной деятельности свои интересы. Государство не воспринималась как партнер, даже находясь с бизнесом на одном «игровом» экономическом поле.

Власть и государственные органы всех уровней в конце 1980 — начале 1990-х гг. были в одинаковой степени слабы, в то время как политическая и гражданская активность общества в стране достигала своих «пиковых» значений. Этот период с полным основанием можно считать этапом становления гражданского общества современной России. Социально-политическая структура российского общества претерпевала серьезные изменения. Формировались политические пар-

тии и блоки, общественно-политические движения и организации. Многопартийность становилась нормой. Начали складываться институты гражданского общества, отчасти напоминающие западные. Свобода предпринимательства в сочетании с политическими свободами — свободой слова, печати, собраний, информации, убеждений, вероисповедования (сегодня уже сложно себе представить, что все это еще недавно было в таком объеме) — с неизбежностью раскрепощали советского человека, тем самым создавая предпосылки для превращения его в человека гражданского.

Казалось бы, в условиях мировой глобализации ценности и атрибуты западной цивилизации должны были быстро прорасти на пограничной с ней российской «цивилизационной почве». И тем не менее сегодня можно констатировать, что «вестернизационный» вариант общества в его традиционном идейном, политическом и экономическом варианте для России оказался нежизнеспособным. По прошествии двух десятилетий развития предпринимательства парадигмы нового экономического мышления так и не стали доминирующими. Буржуазного и гражданского, по Марксу, общества в России не сложилось. В чем причины задержки в развитии?

Российская экономическая модель к концу первого десятилетия XXI в. все больше стала напоминать государственный капитализм в его худшем чиновничье-олигархическом формате со всеми характерными для него социальными отношениями и социальной структурой. Имущественная дифференциация, обозначившаяся в середине 1990-х гг. как результат и символ перераспределения национального богатства, в последующие годы закрепились, в том числе на уровне властных решений, в устойчивую тенденцию глубокого социального расслоения населения страны. Показательно в данном случае, как происходило изменение шкалы налогообложения на рубеже двух столетий. В 1990-е годы в России применялась прогрессивная шкала, и верхняя планка подоходного налога была равна 35%, оставаясь одной из самых низких в Европе. С 1 января 2000 г. максимальная ставка была снижена до 30%, а с 1 января 2001 г. введена «плоская» шкала с единой ставкой 13%, которая действует в настоящее время. Прогрессивная шкала налогообложения, как известно, вводит зависимость размера подоходного налога от доходов человека. В большинстве западных стран используется именно такая схема расчета подоходного налога. Максимальная ставка налога в Дании составляет около 60%, в Нидерландах — 52% [7]. Введение единой ставки усугубило и без того колоссальный разрыв в уровне жизни между самыми богатыми и самыми бедными гражданами, что усилило общее ощущение социальной несправедливости. Устанавливая такие правила, российская власть давала определенный сигнал обществу, о том, интересы какой социальной группы она выражает и защищает. И, самое главное, к какой группе принадлежит сама.

Появление класса мелких и средних предпринимателей не сделало эту группу ведущей в динамично развивающейся социальной структуре. Многочисленные попытки консолидироваться и создать эффективные институты представления своих интересов во власти не дали ожидаемых результатов. Этот класс не стал пра-

вящим, его система ценностей не оказалась настолько привлекательной для других, чтобы это привело в конечном счете к возникновению системы ценностей нового общества в целом. Сегодня можно говорить о том, что происходила и происходит корректировка старой системы, при которой тот, кто распределяет, котируется в общественном сознании гораздо выше того, кто производит. Можно согласиться с мнением некоторых ученых, что сегодня у нас создано ресурсное государство с административным рынком, в котором распределение ресурсов (бюджетов, заказов, подрядов и т.п.) является главным источником достижения материального благополучия [8].

Почему, несмотря на возникновение и распространение в России частной собственности, существенно не трансформировалось мышление? Насколько глубоки эти парадигмы, отвечающие за «облик» общественного сознания?

Абстрагируясь от политико-экономических причин, следует признать, что модель постсоветского капитализма не ответила главным ожиданиям человека, не привела к установлению более справедливой системы взаимоотношений в обществе. И дело в данном случае не столько в «несправедливой», по мнению большинства, схеме приватизации государственной собственности (ранее выдававшейся за общенародную), сколько в ощущении несправедливости нашего нынешнего бытия. Новые экономические условия предполагали личную активность и индивидуальную ответственность, а также иные, чем прежде, отношения между обществом (гражданином) и государством. И в первую очередь велики были ожидания, что новая власть будет более справедливой. Они соответствовали традиционным российским представлениям (государственно-патерналистски окрашенным), что не могло не сказаться на характере и темпах реформирования страны.

Исторически в западном мире и в России сложились разные принципы взаимоотношений власти и общества. На Западе общество выше власти, оно посредством гражданских институтов нанимает власть на работу для выполнения соответствующих управленческих услуг, и, следовательно, может сменить власть, если качество этих услуг перестает его устраивать. Порядок смены власти, как и правила, по которым власть функционирует, регулируется правом. Источником права является общество, и перед законом все равны. Поэтому для западной цивилизации проблемы справедливости в ее социальном, а не в индивидуальном аспекте практически не существует. Вся справедливость находится в сфере права.

Российской цивилизации свойственны другие традиции. В частности, отношения власти и общества характеризуются как «этактарум» — положение, при котором власть, государство выше общества. Общество делегирует носителю верховной власти значительную часть своих прав и свобод взамен на защиту и заботу о подданных. Это и составляет основу отношений патернализма. И именно от власти общество ожидает справедливости: справедливого распределения материальных благ, справедливого управления страной, справедливых законов и т.д. Источником права, таким образом, является власть в лице главы государства. Контроль за соблюдением законов формально находится в компетенции правоохранительных органов, юстиции и судов. Однако на практике применение права

в России зачастую зависит от позиции исполнительной власти, осуществляющей распределительные функции также и в отношении судебных и правоохранительных органов. Отсюда (в восприятии основной массы населения) органы правосудия — это не органы восстановления справедливости. В России справедливость обретается, как правило, вне правового поля, но в сфере полномочий власти и прежде всего власти исполнительной.

Несмотря на то, что представления о справедливости менялись в ходе истории и были обусловлены принадлежностью людей к различным социальным общностям, культурам, религиям, цивилизациям, изначально справедливость рассматривалась именно как результат распределения прав и обязанностей при согласии участников этого распределения, причем распределялись не только равные права, происходило такое разделение прав, которое принято считать правильным в данной среде, при определенных обстоятельствах. Со временем сфера оценки того, что есть справедливо, расширялась и касалась уже не только отношений между людьми, но и взаимоотношений человека и судьбы («получил по заслугам», «какая жестокая, несправедливая судьба») или отношений с Богом («Бог дал — Бог взял»). Любые контакты человека с миром материальным и нематериальным, живым и неживым оценивались и воспринимались им с точки зрения справедливости по отношению к себе.

Особенности русского осмысления справедливости тесно связаны с традициями византийской духовной культуры и православной религии. В целом, русская социальная мысль всегда была ориентирована на идею справедливого мироустройства. Включение категорий христианского мышления в духовный мир Древней Руси радикально изменило установки языческого мировосприятия. На передний план выходит напряженное противостояние духа и материи, в мире и в человеке усматривается непримиримая борьба двух противоположных начал, олицетворяемых Богом и Дьяволом, утверждается идея индивидуальной моральной ответственности. Поскольку сферой духовного постижения мира в эту эпоху была религия, постольку не только церковь, но и миряне приобщались к вопросам мировоззренческого порядка: о смысле бытия, о правде и истине, о добре и зле, о справедливости и несправедливости. Во многом в силу этого формируется представление о божественной природе справедливости не только у священников, но и у простых людей. Царство Божие — это царство справедливости. В отличие от иудаизма, где нет загробной жизни и, стало быть, все нужно успевать в этой жизни, православие дает надежду на достижение справедливости в мире ином. Отсюда и персонафикация справедливости в лице Бога или его заместителя на земле. Именно поэтому русский царь, а потом вожди Советского Союза, а затем и Президент России воспринимались и воспринимаются как носители права установления или восстановления попорченной справедливости.

Иная ситуация сложилась в Европе. В католических странах возведение на престол осуществлялось с санкции Папы Римского, что, безусловно, не способствовало сакрализации власти в такой мере, как в русской истории. В России — власть от Бога, а на Западе — власть от Папы. Возможно еще и поэтому Европа — родина революций, а Россия — бунтов. Бунты никогда не были направлены непосредственно против царя, так как идти против него означало идти против Бога.

Более того, носителем права и возможности вершить справедливость в России являлся не сам институт этой власти, а человек, личность, олицетворяющий ее. Подавляющее большинство населения и сегодня едва ли различает органы власти законодательные или исполнительные, федеральные или субъекта Федерации, представительные или местного самоуправления. Однако все знают, у кого искать справедливость.

Безусловно, в поисках справедливости люди обращаются куда угодно, даже в СМИ, но интуитивно именно туда, где, по их мнению, реально существуют действенные рычаги и способы ее достижения. Следует отметить, что обращение в СМИ сегодня — это не столько атавизм, использование рычагов прежней партийной печати, сколько индикатор действенности одного из механизмов функционирования гражданского общества.

Возможно ли возникновение гражданского общества в такой патерналистски ориентированной стране? В начале нынешнего столетия в России начала складываться ситуация, когда политическая стабильность позволила значительно укрепить государственную власть, что, в свою очередь, породило надежду в массовом сознании на то, что теперь власть в силах сделать жизнь более справедливой. Представляется, что не только развитая система гражданских институтов является одним из главных условий полноценного функционирования гражданского общества, но и состояние государства, его структур, порядок их формирования (выборность, сменяемость, подконтрольность и т.п.) не менее важны. Для гражданского общества необходимо сильное государство, способное защищать основные интересы и права граждан (на жизнь, безопасность, здоровье и т.д.). Не менее важно и качество власти. Слабая, непредсказуемая власть не способна стать полноценным партнером для общества. При этом «сильная» и «авторитарная» власть не синонимы, последнее означает, что сила, олицетворяющая закон, подменяется силой произвола индивида, находящегося у власти, пусть даже вполне легитимного и в известной степени популярного.

Государственная власть, при всем критическом отношении к ней нашего народа, тем не менее, оказывается главным источником, от которого ожидается принятие справедливых решений. И когда этого не происходит, в обществе нарастает не только недовольство, но и попытки заставить власть принимать справедливые решения. Это специфический для современной России и возникший в последнее время тренд, когда вместо попыток сменить «неадекватную» власть общество старается принудить чиновников исполнять свои обязанности. Дело в том, что, несмотря на всю архаичность нашего общества, тенденции глобализации «оснастили» современного человека дополнительными, прежде всего информационными средствами воздействия на власть. Гражданская активность, сублимированная в различных формах интернет-коммуникаций, породила новый феномен современного типа «человека гражданского». Этот человек не обязательно состоит в каких-то общественных объединениях или участвует в разного рода акциях, но его деятельная гражданская позиция в виртуальном пространстве может оказать существенное воздействие на реальные ситуации и процессы в обществе. Конечно, виртуальные сообщества — это «форма превращенная» традиционных объеди-

нений людей по интересам, однако несомненно, что это и некое новое качество гражданского общества в условиях глобализации, которое в России будет иметь свой специфический контент. Его главной особенностью будет борьба за справедливость. Достижение справедливости в каждом отдельном случае будет означать продвижение к гражданскому обществу.

Сможет ли сильное государство в том виде, в каком оно сложилось сейчас, обеспечить формирование сообщества свободных и социально ответственных индивидов — главного условия гражданского общества? Для этого надо, по крайней мере, чтобы сформировалось стойкое убеждение, что гражданское общество — это общество, в первую очередь справедливое.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бронзино Л.Ю.* Парадоксы легитимности в глобализирующемся обществе // Вестник РУДН. Серия «Социология». — М.: Изд-во РУДН. — 2009. — № 3. — С. 107—112.
- [2] Гражданское общество в России: западная парадигма и российская реальность. — М., 1996.
- [3] Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. — М., 2008.
- [4] *Дмитриев Ю.А., Кучерена А.Г.* Гражданское общество в России. Проблемы становления и развития. — М., 2009.
- [5] *Кочетков А.П.* Гражданское общество: проблемы исследования и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 1998. — № 4.
- [6] *Перегудов С. П.* Новейшие тенденции в изучении отношений гражданского общества и государства // Политические исследования. — 1998. — № 1.
- [7] Прогрессивный налог на доходы может быть возрожден URL: <http://www.ural.ru/news/business/news-92644.html>
- [8] *Кордонский С.Г.* Рынки власти (административные рынки СССР и России). — М.: ОГИ, 2006.

“CIVIL SOCIETY” AND “SOCIAL JUSTICE”: INTERDEPENDENCY OF THE CONCEPTS AND SPECIFICITY OF THE RUSSIAN INTERPRETATION

Yu.G. Karagod

Chair of social philosophy
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article studies the specific features and evolution prospects of civil society in contemporary Russia. The author analyses the obstacles in the way of civil “reforming” of the country. The concept of civil society is considered in unity with the concept of social justice.

Key words: civil society, social justice, reform, relations between the authorities and society.